

КОРНИ

Написано и произведено командой [USAFF]

всё что вы увидите и прочтёте зашировано авторскими правами командой [USAFF]

Olivia Hansen

Корни

«Автор»

2026

Hansen O.

Корни / О. Hansen — «Автор», 2026

«Корни» — ботанический хоррор о том, как природа отвечает на вмешательство человека не стихией, а чем-то гораздо более личным. Аня Вершинина после развода и смерти матери покупает дом на краю заброшенного Чёрного сада. В подвале находит дневники советского ботаника и странные семена. Посадив их, она будит нечто, что умеет ждать, учиться и мстить. Сад растёт с пугающей скоростью. Он шепчет во снах, проникает под кожу зелёными прожилками, переписывает воспоминания, забирая боль и одиночество. Люди, приезжающие к Ане, исчезают — их находят вросшими в деревья с лицами, полными странного покоя. Когда Аня пытается сжечь сад, огонь только ускоряет рост. В финале она стоит среди растений, проросших сквозь стены дома, смотрит на руки, где вместо вен — живые зелёные усики, и улыбается. Потому что сад наконец заговорил. Её голосом. История о том, как легко отдать боль тому, кто обещает никогда не оставлять тебя одну.

© Hansen O., 2026

© Автор, 2026

Содержание

G-1 -СЕМЕНА-	5
G-2 -ШЁПОТ-	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Olivia Hansen

Корни

G-1 -СЕМЕНА-

G-1 -Семена-

Дом пахнул сыростью и старой бумагой ещё до того, как Аня Вершинина переступила порог. Запах был густой, тяжёлый, словно кто-то долго держал внутри землю после дождя и не проветривал. Он смешивался с чем-то сладковатым, почти цветочным, но уже начавшим портиться — лёгкой нотой прелых листьев и влажной древесины. Аня стояла на крыльце с ключом в руке и смотрела на облупленную дверь тёмно-зелёного цвета, который когда-то, должно быть, был ярким. Краска облезла длинными полосами, обнажая серое дерево. Ключ был тяжёлый, старый, с потёртыми зубцами и тонкой цепочкой, на которой болталась металлическая бирка с выбитым номером. Хозяин агентства в районном центре сказал, что дверь «иногда заедает от влажности», и посоветовал «не дёргать слишком сильно». Аня уже привыкла к тому, что всё в её жизни в последнее время заедало — двери, отношения, разговоры, даже дыхание по ночам, когда она просыпалась от ощущения, что кто-то сидит на краю кровати.

За спиной шумел лес. Не тот привычный подмосковный лес, где по выходным гуляют с собаками и фотографируют грибы для сторис. Здесь деревья стояли слишком близко друг к другу. Ветки сплетались над головой в плотный навес, и свет падал пятнами, будто сквозь грязное, зелёное стекло. Воздух был влажный, тяжёлый, с горечью прелых листьев и лёгкой металлической ноткой, будто где-то рядом ржавела вода. Где-то далеко каркала ворона — один раз, протяжно, и потом снова тишина. Больше никаких звуков. Ни ветра, ни птиц, ни далёкого гула машин. Только этот влажный покой, который давил на барабанные перепонки.

Аня повернула ключ. Замок щёлкнул с неохотой. Дверь открылась с протяжным, почти человеческим скрипом, будто сопротивлялась.

Внутри было темнее, чем она ожидала. Окна затянуты тяжёлыми пыльными шторами цвета хаки, пол покрыт серым налётом, в котором уже начали проступать следы её собственных ботинок. В прихожей стоял высокий деревянный шкаф с трещиной, прошедшей по всей длине дверцы, словно кто-то пытался его расколоть изнутри. На полу — несколько засохших листьев неправильной формы, будто их принесло ветром, хотя дверь была закрыта, по словам агента, почти восемь месяцев. Аня поставила сумку у стены, сняла куртку и прошла по комнатам медленно, касаясь стен кончиками пальцев.

Кухня оказалась просторной, но неуютной. Большой стол, покрытый клеёнкой в выцветший цветочек — розы и незабудки, которые когда-то были розовыми и голубыми, а теперь стали грязно-серыми. Плита газовая, советская, с ржавыми пятнами вокруг конфорок и тонким слоем жира на ручках. В углу — пустой холодильник с приоткрытой дверцей; внутри пахло чем-то кислым и давно умершим. Гостиная. Диван с продавленной серединой, обивка которого когда-то была бордовой, а теперь напоминала цвет засохшей крови. Кресло у окна, в котором, казалось, до сих пор сидел кто-то невидимый. Книжный шкаф почти пустой — на полках лежало несколько старых журналов «Юный натуралист» и пара книг по садоводству с вырванными страницами. Спальня на втором этаже. Узкая кровать с железным изголовьем, покрытым пятнами ржавчины. Матрас в чехле, который пах пылью и чем-то ещё — слабым, неуловимым запахом земли. Всё чужое. Всё чужое и слишком тихое. Тишина здесь была не просто отсутствием звуков. Она была плотной, материальной, словно её можно было потрогать.

Аня остановилась у окна спальни и осторожно отодвинула штору. Пыль поднялась облаком и села на ресницы. За домом начинался сад.

Она уже видела его с дороги, когда подъезжала на старом «уазике» местного таксиста. Огромный, заросший, с деревьями, которые, казалось, росли криво, будто им было больно или они пытались убежать друг от друга. Местные называли его Чёрным садом. Старуха у единственного магазина в соседней деревне, когда Аня спрашивала дорогу, только покачала головой, посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом и сказала низким голосом: «Туда после заката не ходи, милая. И днём лучше не задерживайся». Аня тогда улыбнулась — той самой усталой улыбкой, которой она улыбалась последние полгода, — и кивнула. После развода, который тянулся почти год, и похорон матери, которые прошли в полном молчании, ей было всё равно, куда ходить и после какого заката. Она купила этот дом почти вслепую, по объявлению в интернете, где стояла одна размытая фотография и цена, от которой отказывались даже местные. Агент сказал, что «прежний владелец умер давно, наследников нет, документы в порядке». Аня не стала спрашивать, как именно умер.

Сад начинался сразу за задним крыльцом. Узкая тропинка, едва различимая в высокой, влажной траве, терялась между кустами. Кусты сирени, давно не стриженные, образовали сплошную стену тёмно-лиловых, почти чёрных ветвей. Дальше — яблони с чёрными, скрученными стволами, покрытыми наростами, похожими на застывшие волны. Их ветки свисали почти до земли, и на некоторых всё ещё висели высохшие плоды — сморщенные, чёрные, похожие на мумифицированные сердца. Аня смотрела и чувствовала странное, почти запретное спокойствие. Здесь не нужно было никому ничего объяснять. Здесь никто не спрашивал, почему она уехала из Москвы, бросив работу в архитектурном бюро, почему перестала отвечать на звонки бывшего мужа Максима, почему до сих пор не может выбросить из шкафа старые платки матери, которые всё ещё пахли её духами.

Она спустилась вниз по скрипучей лестнице, открыла заднюю дверь и вышла в сад.

Трава была мокрой, хотя дождя, по словам таксиста, не было уже почти неделю. Вода мгновенно промочила кроссовки. Аня прошла несколько метров и остановилась. Под ногами что-то хрустнуло. Она нагнулась, раздвинула стебли. Старая металлическая бирка, почти полностью заросшая мхом и тонкой зелёной плесенью. На ней остались еле различимые буквы, выбитые когда-то давно: «Эксп. уч. 7». Аня потёрла бирку большим пальцем. Металл был холодным и слегка липким, будто покрытым тонкой плёнкой. Она сунула бирку в карман куртки и выпрямилась.

Сад был больше, чем казалось с дороги. За яблонями начинались ряды чего-то похожего на смородину, но листья были слишком тёмными, почти чёрными с изнанки, а стебли — толстыми и узловатыми. Дальше — высокие стебли с серыми, тяжёлыми головками, похожими на мак, но втрое крупнее и с тонкими красными прожилками. И везде — ощущение, что за ней наблюдают. Не глазами. Чем-то другим. Чем-то, что не нуждается в глазах, чтобы видеть.

Аня вернулась в дом, когда небо уже начало сереть. Вечер сгустился быстро, будто кто-то торопился. Она включила свет в кухне — лампочка мигнула несколько раз, зашипела и загорелась тусклым жёлтым светом, от которого тени на стенах становились длинными и дрожащими. В сумке лежали продукты на первые дни: буханка чёрного хлеба, две банки тушёнки, пачка чая, сахар, немного крупы, бутылка воды и пачка сигарет, которую она купила «на всякий случай» на заправке, хотя бросила курить почти год назад, после того как мать впервые попала в больницу. Она поставила чайник на плиту — газ нашёлся, слабый, но горящий ровным синим пламенем — и села за стол, положив руки на клеёнку.

Тишина была плотной, как вата, набитая в уши. Даже холодильник не гудел — электричество в нём, видимо, отключили вместе со всем остальным. Аня пила чай маленькими глотками и смотрела в окно. Сад темнел быстрее, чем небо. Контуры деревьев становились чёрными, резкими силуэтами, а пространство между ними — ещё более чёрным. Где-то в глубине что-то шевельнулось — или ей показалось. Лёгкое колебание ветвей, хотя ветра не было.

После чая она решила осмотреть подвал. Хозяин агентства упомянул вскользь, что там «кое-что осталось от прежнего владельца — бумаги, инструменты, ничего ценного», и что «лучше не лезть без нужды, там сыро». Аня взяла фонарик из сумки — новый, яркий, купленный специально для переезда в «глушь» — и открыла узкую дверь под лестницей.

Запах ударил сильнее, чем она ожидала. Сырая земля, плесень, что-то сладковатое, почти цветочное, но испорченное — как будто кто-то оставил в закрытом помещении букет лилий на неделю. Ступени были крутыми, деревянными, скрипели под каждым шагом так, будто предупреждали. Внизу оказалось просторное помещение с низким, затянутым паутиной потолком. По стенам тянулись полки с банками — большинство пустые или с почерневшим, сморщенным содержимым, которое невозможно было опознать. В углу стоял старый верстак, покрытый слоем пыли и чем-то похожим на засохшую смолу. На верстаке — металлическая коробка.

Аня подошла ближе, чувствуя, как пол слегка пружинит под ногами. Коробка была прямоугольной, размером с небольшую шкатулку для украшений, с плотно закрытой крышкой и маленьким замочком, который, впрочем, не был заперт. На крышке — аккуратно выгравированные буквы: «К.Р. 1957». Она провела пальцем по буквам. Холодно. Потом, преодолев странное сопротивление в пальцах, подняла крышку.

Внутри лежали семена.

Не обычные семена из садового магазина. Они были крупнее гороха, тёмно-зелёные, почти чёрные, с матовой, слегка бархатистой поверхностью. Некоторые имели тонкие белёсые прожилки, похожие на кровеносные сосуды или корни, просвечивающие сквозь кожу. Рядом, аккуратно уложенные, лежала стопка пожелтевших тетрадей в клеёчатых обложках, перевязанных грубой бечёвкой. Аня осторожно достала верхнюю тетрадь. На обложке от руки, чётким, чуть угловатым почерком было написано: «Дневник наблюдений. Кирилл Радов. Институт экспериментальной ботаники. Закрытый объект».

Она села прямо на холодный пол подвала, положила фонарик рядом так, чтобы свет падал на страницы, и начала читать.

Первые записи были сухими, почти канцелярскими. Описание методик гибридизации. Попытки скрестить несколько видов — обычные садовые растения с чем-то, что Радов называл «образцами особого происхождения». Цель — получить растение, способное реагировать на внешние раздражители быстрее и сложнее, чем обычный тропизм. Потом тон начинал меняться. Появлялись фразы, которые заставляли Аню хмуриться: «Субъект 4 проявил реакцию на присутствие человека. Листья повернулись в сторону источника тепла и... эмоции? Я повысил голос — реакция усилилась. Это не просто реакция на вибрацию». Аня перелистнула страницу. Руки слегка дрожали от холода или от чего-то другого.

Она читала дальше. Запись от марта 1958 года:

«Сегодня субъект 7 ответил на мой гнев. Я повысил голос — листья сжались, будто в страхе. Я успокоился, сел рядом, заговорил тише — они расслабились, даже слегка потянулись ко мне. Это не тропизм. Это что-то другое. Они учатся. Они запоминают».

Аня подняла глаза. В подвале было тихо, но запах стал сильнее, гуще. Сладковатая гниль смешалась с запахом влажной земли так плотно, что она почувствовала его на языке — металлический, чуть горький привкус. Она закрыла тетрадь и посмотрела на семена в коробке. Они лежали неподвижно. Но ей показалось — на долю секунды, на самом краю зрения, — что один из них слегка дрогнул, будто внутри него что-то шевельнулось.

Она захлопнула крышку резче, чем собиралась, взяла коробку и всю стопку тетрадей и поднялась наверх. Руки дрожали уже заметно. Не от страха. От странного, почти болезненного возбуждения. Здесь было что-то настоящее. Что-то, что не имело отношения к её разводу, к пустой квартире в Москве, где до сих пор стояли коробки с вещами, к молчанию после смерти матери, к тому, как Максим говорил: «Ты всегда была слишком внутри себя». Здесь было продолжение чужой, странной истории, и она могла стать её частью. Или уже стала.

Ночью Аня не могла заснуть. Она лежала на жёстком матрасе, накрывшись найденным в шкафу одеялом, которое пахло нафталином и пылью, и слушала дом. Дом скрипел. Где-то капала вода — она не нашла источник, хотя обошла все комнаты. За окном сад шумел, хотя ветра, по ощущениям, не было. Иногда ей казалось, что кто-то ходит между деревьями. Мягкие, осторожные шаги, почти невесомые. Она вставала, босиком подходила к окну, отодвигала штору, смотрела. Ничего. Только чёрные силуэты деревьев и лунный свет, который делал листья похожими на тонкие металлические пластины, покрытые инеем. Она возвращалась в постель и лежала с открытыми глазами, пока небо не начинало сереть.

Под утро она всё-таки заснула и увидела сон.

Она шла по саду. Тропинка была шире, трава ниже, будто кто-то недавно косил. Деревья стояли ровно, как солдаты на построении. В центре сада росло огромное растение с толстым, узловатым стеблем, похожим на человеческое тело, согнутое в неестественной позе, и кроной из листьев, которые шевелились без ветра, будто дышали. Растение медленно наклонилось к ней. Из кроны раздался шёпот. Голос был знакомый — её собственный, но более низкий, более спокойный, почти мужской в своей уверенности. Шёпот говорил: «Ты уже здесь. Мы ждали. Мы так долго ждали».

Аня проснулась с тяжёлым, колотящимся сердцем и ощущением, что во рту остался густой привкус земли и чего-то сладкого, почти тошнотворного.

Утро было серым, безликим. Она сварила кофе на плите — газ горел ровно, вода из крана шла сначала ржавая, потом прояснилась — и снова открыла дневники. Читала за завтраком, макая чёрствый хлеб в чай. Записи становились всё более личными, почти исповедальными. Радов писал о бессоннице, о том, что субъекты «отвечают» на его одиночество. В одной из записей, датированной поздней осенью 1958 года, он признавался, что начал разговаривать с ними вслух, подолгу, рассказывая о своей жизни, о жене, которая ушла, о дочери, которую он почти не видел. «Они слушают. Я уверен. Иногда мне кажется, что они даже отвечают — не словами, а движением, запахом, лёгким покачиванием».

Аня отложила тетрадь и долго смотрела на коробку с семенами, стоявшую на краю стола. Решение пришло само, без внутреннего спора. Она встала, надела куртку, нашла в сарае за домом старую, ржавую лопату с разошедшейся ручкой и вышла в сад.

Место она выбрала недалеко от яблонь, где земля казалась более рыхлой, почти чёрной. Выкопала небольшую лунку, аккуратно, будто сажала что-то хрупкое. Открыла коробку. Семена лежали всё так же неподвижно, но теперь ей казалось, что они чуть теплее, чем должны быть. Она взяла три — пальцы на мгновение показались ей липкими, будто семена оставили на коже тонкую плёнку — и положила в землю. Засыпала. Притоптала подошвой. Полила водой из старого оцинкованного ведра, которое нашла у колодца за домом. Вода была холодной и пахла железом.

Когда она выпрямилась, по спине пробежал холодок, хотя куртка была застёгнута. Сад был тихим. Слишком тихим. Даже редкие птицы, которых она слышала утром, замолчали. Аня вытерла руки о джинсы — земля оставила тёмные полосы — и вернулась в дом. Запах сырой земли шёл за ней, как будто прилип к одежде, к волосам, к коже.

День прошёл в хозяйственных делах, которыми она пыталась заглушить странное возбуждение. Она открыла все окна, несмотря на сырость, вытерла пыль тряпкой, найденной в шкафу, нашла старый пылесос в чулане и попыталась привести гостиную в порядок. Пылесос гудел слабо и выплёвывал больше пыли, чем собирал. Вечером она снова читала дневники, уже сидя на диване под тусклой лампой. Радов описывал, как субъекты начинали «помнить» его прикосновения. Как листья повторяли движение его руки через несколько секунд, будто с задержкой. Как один из гибридов начал выделять вещество — он называл его «эфирным выделением», — которое вызывало у человека чувство глубокого спокойствия, почти эйфории, смешанной с лёгкой сонливостью.

Аня закрыла тетрадь и посмотрела на свои руки. Ногти были в земле. Под ногтями — тёмная, почти чёрная полоска. Она пошла в ванную умыться. Вода из крана снова шла сначала ржавая, потом прояснилась, но оставалась слегка мутной. Когда она вытерла лицо жёстким полотенцем, ей показалось, что в мутном зеркале над раковиной мелькнуло что-то зелёное на шее — тонкая линия, как сосуд. Она наклонилась ближе, протёрла зеркало ладонью. Ничего. Просто тень от лампочки и усталое лицо тридцатидвухлетней женщины с тёмными кругами под глазами.

Ночью сны вернулись, более яркие, более телесные. На этот раз она не шла по саду — сад шёл по ней. Корни прорастали сквозь пол дома, поднимались по стенам, как живые, тёплые змеи, касались её кожи через простыню. Они были тёплыми, почти горячими. Они шептали её имя голосом, который она узнавала, но не могла вспомнить, чей это голос — её собственный, голос матери или кого-то ещё. Когда она проснулась в предрассветной синеве, на подушке осталось тёмное, неправильной формы пятно, похожее на влажную землю. Аня потрогала его пальцем. Пятно было холодным и слегка липким. Она встала, спустилась на кухню, зажгла свет. За окном сад стоял чёрный и совершенно неподвижный. Но Аня знала — или ей казалось, что знает с пугающей уверенностью, — что внутри него что-то уже проснулось и теперь только ждало.

Утром она снова вышла проверить место, где посадила семена. Земля была влажной, будто её только что полили. На поверхности — три крошечных зелёных ростка. Они были тоньше спички, но уже имели чёткую форму — крошечные листики, свёрнутые в трубочку. Аня присела на корточки, чувствуя, как сырость проникает сквозь джинсы, и осторожно коснулась одного пальцем. Росток слегка качнулся навстречу прикосновению, будто ответил.

Она отдёрнула руку слишком резко и чуть не упала назад.

Весь день ростки не выходили у неё из головы. Она пыталась заниматься домом — мыла полы жёсткой щёткой, разбирала шкаф в спальне, где нашла несколько старых мужских рубашек и папку с документами, — но мысли возвращались к ним снова и снова. В шкафу она обнаружила несколько старых фотографий. На одной из них мужчина лет пятидесяти, с усталым, но странно спокойным лицом, стоял среди растений, которых Аня не могла опознать — высокие, с толстыми стеблями и листьями необычной, почти треугольной формы. Лицо у него было усталым и в то же время странно счастливым, будто он нашёл то, что искал всю жизнь. На обороте — дата, написанная тем же почерком: «Август 1959». И приписка карандашом: «Они уже говорят. Не словами. Но говорят».

Аня положила фотографию между страниц дневника и снова вышла в сад ближе к вечеру. Ростки стали выше. За один день. Она измерила пальцами — почти три сантиметра. Невозможно. Научно невозможно. Но вот они были — три зелёных, уверенных стебелька, уже начинающих раскрывать листья.

Вечером она позвонила бывшему мужу. Не потому что хотела говорить — просто чтобы услышать человеческий голос, любой, даже раздражённый. Он ответил после третьего гудка. Голос был приглушённым, будто он был где-то в шумном месте.

— Ань? Ты где вообще? Я звонил тебе три раза за неделю.

— В Тверской области. Купила дом. Старый.

Пауза. Долгая.

— Серьёзно? Одна? В глуши?

— Да. Одна.

— Слушай, если тебе плохо, если опять... ты же знаешь, я могу приехать. Или ты приезжай. Квартира пока свободна.

— Мне не плохо. Я просто... хотела сказать, что всё в порядке. Что я здесь. И, наверное, останусь надолго.

Она повесила трубку раньше, чем он успел ответить что-то ещё. Голос в трубке звучал слишком далеко. Слишком чужим. Здесь, в доме на краю Чёрного сада, чужим было всё остальное — город, бывший муж, даже собственная прежняя жизнь.

Ночью запах в доме стал сильнее. Сырая земля поднималась из подвала, просачивалась сквозь щели в полу, смешивалась с запахом чая, пыли и старого дерева. Аня лежала с открытыми глазами и слушала. Где-то скрипнула половица — медленно, осторожно. Потом ещё раз. Шаги. Мягкие, как будто босые ноги по дереву. Она встала, взяла фонарик, спустилась вниз, стараясь не скрипеть. В прихожей никого. На кухне — никого. Дверь в подвал была приоткрыта на несколько сантиметров. Она точно помнила, что закрывала её на защёлку вечером.

Аня толкнула дверь плечом. Запах ударил в лицо плотной волной. Она направила луч фонарика вниз по ступеням. На дереве лежали свежие листья — зелёные, влажные, будто только что сорванные с живого растения. Они образовали почти правильную дорожку. Она спустилась, стараясь не наступать на них. На полу подвала — ещё несколько листьев, ведущих прямо к верстаку. Коробка с семенами стояла открытой. Крышка была откинута. Внутри осталось меньше семян, чем она помнила — она считала их утром, их было семнадцать. Сейчас она насчитала двенадцать.

Аня медленно поднялась вверх, закрыла дверь и на этот раз придвинула к ней тяжёлый стул. Руки дрожали уже по-настоящему, от плеч. Она села на кухне, зажгла сигарету — первую за год, — и курила, глядя в чёрное окно, за которым сад не шевелился. Но она чувствовала его. Как чувствуют взгляд в спину в пустой комнате. Как чувствуют, что кто-то стоит за дверью и дышит.

Утром ростки были уже высотой с ладонь. Листья раскрылись — тёмно-зелёные, с серебристой, почти металлической изнанкой, на которой проступали тонкие прожилки. Аня стояла над ними, босиком, в старой футболке, и не знала, что делать. Выдернуть? Затаптать каблуком? Полить ещё раз? Сжечь? Она выбрала последнее из возможных — налила воды из лейки, которую нашла в сарае. Ростки слегка качнулись, будто благодаря, и один из листьев повернулся в её сторону.

В доме она нашла ещё одну тетрадь — ту, что лежала в самом низу стопки, перевязанная отдельно. Записи в ней были неровными, почти лихорадочными, почерк становился крупнее, буквы летели. Радов писал о «симбиозе». О том, что субъекты при длительном контакте начинают изменять ткань человека. О зелёных прожилках, появляющихся под кожей. О снах, в которых сад говорил его собственным голосом, но спокойнее, мудрее. О том, как он перестал бояться. Последняя запись обрывалась на середине предложения, чернила размазались, будто рука дрогнула: «Они больше не хотят оставаться в земле. Они хотят войти. Они хотят...»

Аня закрыла тетрадь. Сердце колотилось так, что она чувствовала пульс в горле. Она посмотрела на свои руки под ярким утренним светом, падающим из окна. Под кожей на левом запястье — тонкая, едва заметная зеленоватая линия, похожая на сосуд, но не того цвета. Она потёрла её пальцем, сильно, почти до боли. Линия побледнела, потом исчезла. Или ей показалось, что исчезла.

Весь день она старалась не выходить в сад. Занималась домом с ожесточением — чистила, мыла, сортировала найденные в шкафах вещи, выбрасывала в мусорный мешок то, что казалось совсем сгнившим. Но запах земли не уходил. Он вёлся в стены, в одежду, в волосы. К вечеру она снова оказалась у ростков, будто ноги сами привели. Они стали ещё выше — уже выше пятнадцати сантиметров. Стебли утолщались, становились плотнее. На одном из них появился крошечный, плотно свёрнутый бутон цвета тёмной зелени.

Аня присела на корточки. Протянула руку. Росток медленно, почти нерешительно наклонился к ней. Лист коснулся пальца. Прикосновение было тёплым и чуть влажным. Как кожа живого существа. Как чья-то ладонь.

Она отдернула руку и резко встала. Ноги слегка подкосились, пришлось опереться о ствол ближайшей яблони. Кора была шершавой и странно тёплой. Вернувшись в дом, она долго мыла руки горячей водой с мылом, почти до красноты. Зелёная линия на запястье снова мелькнула в зеркале — и снова исчезла, когда она посмотрела прямо.

Ночью она проснулась от отчётливого ощущения, что кто-то сидит на краю кровати. Тяжесть. Тепло. Она открыла глаза, не дыша. Никого. Только темнота и запах — теперь он стал другим, слаще, гуще, почти тошнотворным, как перезрелые фрукты и сырая земля одновременно. Она встала, босиком прошла к окну. Сад был чёрным, без единого блика. Но в глубине, между деревьями, на секунду мерцал слабый зеленоватый свет. Как будто кто-то держал под листовой тусклый фонарик или как будто сами растения светились изнутри.

Аня стояла и смотрела, пока свет не погас. Потом легла обратно, накрылась с головой. Сон пришёл быстро, тяжёлый, липкий. В этом сне сад уже говорил её голосом. Чётко. Спокойно. Почти ласково, с той же интонацией, с которой она когда-то уговаривала мать принять лекарства.

«Ты посадила нас. Теперь мы будем расти вместе. Ты больше не будешь одна. Мы не оставим тебя».

Она проснулась на рассвете, когда первые серые лучи уже пробивались сквозь щели в шторах. На подушке снова было пятно — больше, темнее. И на простыне, рядом с её бедром, — тонкие зелёные нити, похожие на молодые корни или на сосуды, которые кто-то вытащил наружу. Они были чуть влажными на ощупь.

Аня села на кровати и долго, очень долго смотрела на свои руки. Под кожей на предплечье медленно, едва заметно пульсировала тонкая зелёная прожилка. Она не исчезала, даже когда Аня смотрела прямо на неё, даже когда проводила пальцем, даже когда сильно надавливала.

Снаружи сад шумел. Без ветра. Лёгкий, ритмичный шорох листьев, будто кто-то дышал.

Аня Вершинина встала, оделась медленно, будто во сне, и спустилась на кухню. Заварила крепкий чай. Села у окна, положив ладони на стол. Смотрела, как первые настоящие лучи солнца касаются чёрных, скрученных стволов яблонь и трёх новых, слишком быстро, невозможно быстро выросших растений, которые уже тянулись вверх с уверенностью, которой не должно быть у однодневных ростков.

Она знала, что должна что-то сделать. Выдернуть их с корнем. Сжечь. Засыпать солью. Уехать прямо сейчас, бросив всё, вернуться в Москву, позвонить Максиму, сказать, что она ошиблась.

Но вместо этого она допила остывший чай, взяла старую лейку, наполнила её водой из-под крана и вышла в сад босиком, чувствуя, как холодная, влажная земля обхватывает ступни.

Ростки ждали.

И когда она наклонилась, чтобы полить их, один из листьев — самый крупный, самый тёмный — осторожно, почти нежно, с какой-то пугающей точностью обвил её указательный палец.

Аня не отдернула руку.

Она только тихо, едва слышно выдохнула и улыбнулась — той самой усталой, странной, почти счастливой улыбкой, которую видела на старой фотографии Кирилла Радова.

Сад ответил тихим, согласным шорохом листьев, который шёл от самых дальних деревьев и сходил к ней, как дыхание.

И Аня поняла — не умом, а чем-то более глубоким, более древним, — что больше не одна.

Что, возможно, она никогда больше не будет одна.

Что бы это ни значило.

Что бы ни ждало её дальше, среди этих чёрных стволов и слишком быстрых зелёных стеблей.

Она осталась стоять так ещё долго, пока солнце не поднялось выше и не коснулось её лица. Лист всё ещё держал её палец. Тёплый. Живой. Ждущий.

Аня медленно выпрямилась, не разрывая прикосновения, и пошла обратно к дому, чувствуя, как за спиной сад продолжает дышать ей вслед.

В доме запах земли стал почти родным.

Она закрыла дверь, присела на стул у окна и открыла дневник Радова на последней заполненной странице. Долго смотрела на оборванную фразу. Потом взяла ручку, которую нашла в ящике стола, и аккуратно, почти каллиграфически дописала:

«...войти в нас. Или мы — в них».

Потом закрыла тетрадь, положила ладонь на обложку и закрыла глаза.

Снаружи сад шумел всё громче.

А под её ладонью, сквозь тонкую кожу запястья, медленно, уверенно пульсировала зелёная прожилка.

G-2 -ШЁПОТ-

G-2 -Шёпот-

Утро после того, как лист обвил её палец, пришло странно мягким. Аня проснулась не от тревоги и не от тяжёлого сердца, а от ощущения, будто кто-то осторожно гладит её по волосам. Она открыла глаза. Комната была залита серым, влажным светом, который просачивался сквозь пыльные шторы. На простыне рядом с подушкой снова лежали тонкие зелёные нити — на этот раз их было больше, и они тянулись к её запястью, будто искали путь под кожу. Аня села и долго смотрела на них. Нити были чуть влажными и тёплыми на ощупь. Когда она провела по ним пальцем, они слабо шевельнулись, словно отозвались на прикосновение.

Она не вздрогнула. Впервые за много месяцев внутри неё было по-настоящему тихо. Не та пустая тишина, которая осталась после развода и похорон, а другая — плотная, тёплая, почти живая.

Внизу, на кухне, запах земли стал почти привычным. Он смешивался с запахом чая, старого дерева и лёгкой сырости так естественно, будто всегда здесь жил и просто ждал, пока его заметят. Аня заварила крепкий чай, села у окна и долго смотрела на сад. Три ростка, которые она посадила всего два дня назад, уже были высотой ей по колено. Стебли утолщились, стали плотнее, листья раскрылись широко, с той самой серебристой изнанкой, которая при определённом угле света казалась почти металлической. На самом высоком из них бутон стал крупнее и начал медленно менять цвет — от тёмно-зелёного к глубокому, почти чёрному бордо.

Аня вышла босиком. Земля под ногами была тёплой, несмотря на утреннюю прохладу, будто сад хранил в себе дневное тепло. Она подошла к растениям и просто стояла, чувствуя, как влажный воздух обволакивает лицо и руки. Один из листьев медленно, почти нерешительно повернулся к ней. Не к солнцу — солнце ещё пряталось за тяжёлыми серыми тучами. К ней.

Она протянула руку. Лист коснулся ладони так же осторожно, как вчера вечером. Тёплое, влажное прикосновение, от которого по коже пробежала лёгкая дрожь — не от страха, а от странного, почти забытого ощущения близости. Аня закрыла глаза и впервые за долгое время почувствовала, что ей не нужно никуда бежать. Не нужно объяснять, оправдываться, делать вид, что всё в порядке. Здесь, среди этих слишком быстрых стеблей, можно было просто быть.

Весь день она провела в саду. Не работала в привычном смысле — не полола, не обрезала, не составляла планы по восстановлению. Просто ходила между старыми яблонями, касалась шершавой коры, присаживалась на влажную траву и смотрела, как растут её трое. Ростки увеличивались на глазах. К полудню они стали заметно выше. К вечеру — ещё выше. Аня измеряла их палкой, которую нашла у сарая. Двадцать сантиметров за день. Потом почти тридцать. Она перестала удивляться. Удивление требовало энергии, а энергии у неё сейчас не было. Было только странное, тягучее спокойствие, которое поднималось от земли вместе с запахом сырой почвы и сладковатой гнили.

Иногда она разговаривала с ними вслух — тихо, почти шёпотом, будто боялась спугнуть. Рассказывала о Москве, о работе, о том, как пусто стало в квартире после того, как Максим забрал свои вещи. О матери, которая в последние месяцы почти не говорила, только смотрела в окно и иногда улыбалась какой-то своей, далёкой улыбкой. Растения слушали. Листья слегка покачивались, даже когда ветра не было.

Ночью сны стали яснее и длиннее.

Она снова была в саду, но теперь сад выглядел иначе. Деревья стояли ровнее, будто кто-то выправил их стволы. Между ними тянулись тонкие светящиеся нити — точно такие же, какие она находила по утрам на простыне. В центре снова росло то огромное растение с толстым стеблем, похожим на согнутое человеческое тело, и кроной из тяжёлых листьев. Оно наклонилось к ней и заговорило её собственным голосом — спокойным, чуть усталым, почти ласковым:

«Ты была одна слишком долго. Мы тоже. Теперь мы можем быть вместе. Ты только не сопротивляйся. Сопротивление делает больно. И тебе, и нам».

Аня в сне кивнула. Ей действительно не хотелось сопротивляться. Сопротивление всегда отнимало слишком много сил.

Она проснулась на рассвете с густым привкусом земли во рту и ощущением, что под кожей на предплечьях что-то медленно, терпеливо двигается. Зелёные прожилки были уже отчётливее. Они тянулись от запястий вверх, тонкие, как молодые корни, ветвились и пульсировали в такт сердцу — или чуть медленнее. Аня провела по ним пальцем. Кожа над ними была чуть горячее окружающей. Когда она сильно надавила, прожилки побледнели, но не исчезли полностью.

В доме запах стал гуще. Он поднимался из подвала тяжёлыми волнами, просачивался сквозь щели в полу, оседал на одежде, волосах, даже на зубах. Аня открыла все окна настежь, но запах не уходил. Он просто становился частью воздуха, которым она дышала, частью её самой.

На третий день она решила сходить в деревню за продуктами. Хлеб заканчивался, чай почти весь выпит, а сигареты она всё равно снова начала курить — по одной-две вечером, сидя у окна и глядя в сад. До магазина было почти четыре километра по разбитой грунтовой дороге, которая после дождей превращалась в месиво. Аня шла медленно, чувствуя, как каждое движение отдаётся лёгкой пульсацией в зелёных прожилках. Иногда ей казалось, что прожилки чуть натягиваются, будто тянутся обратно к саду.

В деревне было тихо и будто вымерло. Несколько домов с резными, но облупившимися наличниками, покосившийся забор, одна лавка с выцветшей вывеской «Продукты». Старуха, которая тогда предупреждала её у магазина, сидела на низкой лавочке у своей калитки и чистила картошку огромным ножом. Когда Аня подошла ближе, женщина подняла голову и долго, очень долго смотрела на неё тяжёлым, светлым от старости взглядом.

— Ты из Чёрного сада, — сказала она не вопросом, а утверждением. Голос был низкий, скрипучий.

Аня кивнула.

Старуха отложила нож на колени. В глазах у неё не было страха — только усталое, почти безразличное знание, которое копилось десятилетиями.

— Ты разбудила то, что должно было спать, — тихо произнесла она. — Радов тоже думал, что контролирует. Думал, что умнее. А потом сад начал говорить его голосом. И лица тех, кто к нему приходил, становились спокойными. Слишком спокойными. Будто они наконец нашли то, чего искали всю жизнь. А потом их находили... взрослыми. С улыбками.

Аня хотела спросить, что именно случилось с Кириллом Радовым, куда делась его дочь, почему институт сожгли, но старуха уже отвернулась и снова взялась за картошку. Разговор был закончен. Больше она ничего не сказала и даже не подняла глаз, когда Аня пошла дальше.

В магазине продавщица — женщина лет сорока с усталым, опущенным лицом — обслужила её молча и очень быстро, почти не глядя в глаза. Клала хлеб, крупу, чай на прилавок, будто боялась задержаться. Когда Аня выходила, ей показалось, что за спиной кто-то тихо перекрестился.

Обратная дорога заняла больше времени. Аня шла и всё время возвращалась мыслями к словам старухи. «Сад начал говорить его голосом». Она вспомнила свои сны. Вспомнила, как лист обвинил палец. Вспомнила зелёные нити на простыне и пульсацию под кожей. И вместо страха почувствовала странное, почти запретное облегчение. Кто-то — или что-то — наконец заметил, что она существует. Наконец услышал.

Когда она вернулась к дому, ростки уже были ей по пояс. Листья стали крупнее, тяжелее, и на одном из них проступили тонкие красноватые прожилки, подозрительно похожие на её

собственные. Аня поставила сумку на крыльцо и подошла ближе. Растения слегка качнулись ей навстречу, хотя ветра не было совершенно.

Она провела рукой по самому высокому стеблю. Стебель был тёплым и слегка пульсировал под пальцами — медленно, глубоко, будто дышал.

Вечером Аня снова открыла дневники Радова. Теперь она читала уже не подряд, а выборочно, отыскивая записи об изменениях в теле и о том, как сад учится. Нашла довольно быстро.

«День 47. Под кожей на руках появились тонкие зелёные линии. Сначала думал, что это воспаление или реакция на удобрения. Потом понял — они растут. Они повторяют рисунок сосудов, но идут своим путём, выбирают свои маршруты. Когда я злюсь — они темнеют, становятся почти чёрными. Когда спокоен — делаются почти прозрачными. Субъекты учатся на мне. Они копируют не только эмоции. Они копируют саму структуру. Мою память. Мои страхи. Моё одиночество».

Аня отложила тетрадь и долго смотрела на свои руки под тусклой лампой. Прожилки были уже хорошо видны даже при таком свете. Они тянулись от запястий к локтям, ветвились, образовывали сложные узоры, похожие на корневую систему. Она прижала палец к одной из них и почувствовала слабый, но отчётливый пульс — не свой, более медленный, более терпеливый.

Ночью сон был ещё яснее и телеснее. Сад говорил уже не только её голосом. Иногда голос становился похож на голос матери — тот самый, каким мать говорила в последние недели, когда уже почти не вставала с постели: тихий, примирившийся, почти счастливый. «Не бойся, Анечка. Здесь тепло. Здесь тебя никто не бросит. Здесь можно просто быть».

Аня проснулась в слезах. Но слёзы были странными — не горькими и не злыми. Скорее облегчёнными, будто что-то тяжёлое наконец отпустило.

На четвёртый день она заметила, что кровь изменилась. Когда случайно порезала палец о ржавый гвоздь на двери сарая, кровь выступила гуще обычного, почти тягучая, тёмная, и имела слабый зеленоватый оттенок, пока не соприкоснулась с воздухом. Аня долго смотрела на каплю, прежде чем стереть её рукавом. Потом, не вполне отдавая себе отчёт, приложила палец к губам. На языке остался густой привкус сырой земли и чего-то сладкого, почти цветочного.

В доме запах стал настолько плотным, что иногда ей казалось, будто стены сами дышат. Она перестала открывать окна надолго. Ей больше не хотелось, чтобы этот запах уходил. Он стал родным.

К вечеру пятого дня растения достигли высоты человеческого роста. Стебли стали толстыми, узловатыми, почти древесными у основания, листья — широкими и тяжёлыми. Бутон на самом высоком начал медленно, очень медленно раскрываться. Внутри угадывался тёмно-красный, почти чёрный цвет, влажный и глубокий.

Аня сидела на земле рядом с ними, скрестив ноги, и читала вслух последние записи Радова. Голос у неё был спокойный, ровный. Растения слегка покачивались в такт словам, будто действительно слушали.

«Они берут мои воспоминания, — читала она. — Я вижу во снах не только сад. Я вижу свою дочь такой, какой она была в детстве — с двумя косичками и вечными ссадинами на коленях. Я вижу жену в тот день, когда она ушла, но теперь эта сцена уже не ранит. Сад берёт воспоминания и переписывает их. Делает мягче. Делает так, чтобы не болело. А потом... потом он начинает предлагать новые. Более удобные. Более правильные с его точки зрения».

Аня закрыла тетрадь. Настоящий холодный ветер пробежал по саду, и листья зашуршали громче обычного. Один из них — широкий, тяжёлый — опустился ей на плечо и остался лежать, тёплый и чуть влажный.

Она не сбросила его.

В этот вечер она впервые по-настоящему заговорила с садом вслух, глядя прямо на раскрывающийся бутон.

— Я устала быть одна, — тихо сказала она. — Если вы можете это изменить... делайте. Я не буду мешать.

Листья ответили мягким, протяжным шорохом, который был очень похож на вздох глубокого согласия.

Ночью зеленоватый свет в глубине сада появился снова. На этот раз он был ярче и ближе к дому. Аня стояла у окна в одной футболке и смотрела, пока свет не начал медленно двигаться между стволами, будто кто-то шёл с тусклым фонарём. Но фонаря не было. Светились сами растения — слабым, внутренним, почти живым свечением.

Она спустилась вниз, открыла заднюю дверь и вышла босиком. Земля приняла её ступни теплом, будто ждала. Свет вёл её между чёрными яблонями, мимо старых, спутанных кустов сирени, всё глубже в сад. Аня шла, не чувствуя страха. Только глубокое, почти животное любопытство и то самое спокойствие, которое теперь жило у неё под кожей вместе с зелёными прожилками и медленным чужим пульсом.

В центре сада, там, где во снах всегда росло огромное растение, сейчас стояли её трое. Они выросли ещё за эти ночные часы. Стебли были уже толще её руки в самом широком месте, листья касались друг друга, образуя подобие плотного зелёного шатра. Бутон полностью раскрылся. Внутри него не было обычных лепестков. Было что-то похожее на сложенную влажную ткань тёмно-красного, почти чёрного цвета, которая слегка пульсировала в собственном ритме.

Аня протянула руку. Цветок медленно, очень медленно наклонился к её ладони.

Прикосновение было не похоже ни на что, что она чувствовала раньше в своей жизни. Тепло разлилось от пальцев вверх по руке, достигло плеча, шеи, затылка — и вдруг внутри головы стало очень тихо. Все мысли, все старые боли, все ночные разговоры с самой собой, все упрёки Максима и молчание матери — всё отошло далеко на второй план. Осталось только это глубокое, обволакивающее тепло и ощущение, что её наконец-то кто-то по-настоящему держит.

Когда она вернулась в дом, на кухонных часах было почти четыре утра. Зелёные прожилки на руках и шее светились слабым, едва заметным внутренним светом в темноте. Аня включила лампу и долго смотрела на них, поворачивая руки то одним, то другим боком. Потом провела языком по внутренней стороне запястья. На языке снова остался тот же сладковато-земляной привкус, который уже почти не казался чужим.

Она легла спать прямо на диване в гостиной, не поднимаясь наверх. Сон пришёл сразу, тяжёлый и плотный.

В этом сне сад уже говорил не только её голосом и не только голосом матери. Иногда проскальзывал голос Максима — тот самый, каким он говорил в последние месяцы брака, усталый, чуть виноватый и очень далёкий. «Я не мог больше, Ань. Ты была слишком далеко, даже когда сидела рядом. Ты всегда была где-то внутри себя». Но теперь эти слова звучали без боли и без злости. Сад брал их, переписывал, делал мягкими, почти неважными, будто чужими воспоминаниями из чужой жизни.

Аня в сне улыбалась.

Утром она проснулась от редкого, неуверенного стука в дверь. На пороге стоял мужчина лет сорока пяти, в потёртой зелёной куртке лесника, с ружьём за спиной и глубокими морщинами вокруг глаз. Это был Игорь Сомов — она видела его один раз мельком, когда приезжала в район оформлять документы на дом.

— Здравствуйте, — сказал он хрипло, чуть хмурясь. — Я соседние участки смотрю. Увидел... дымок. Подумал, вдруг что случилось.

Аня моргнула, пытаясь понять. Дыма не было. Она ничего не жгла ни вчера, ни сегодня.

— Дыма нет, — ответила она. Голос прозвучал спокойнее и ровнее, чем она ожидала от себя.

Сомов посмотрел мимо неё, прямо в сторону сада. Лицо его медленно изменилось. Он долго молчал, переводя взгляд с её рук на растения, которые уже были видны из-за угла дома. Потом тихо, почти шёпотом сказал:

— Вы посадили их. Из той коробки. Из подвала.

Это был не вопрос. Это было знание.

Аня кивнула.

Лесник снял шапку и провёл широкой ладонью по редким, уже седеющим волосам. Взгляд у него был тяжёлый, почти жалостливый, будто он смотрел на человека, который сам не понимает, куда шагнул.

— Уходите, пока ещё можете, — сказал он наконец низким голосом. — Пока они ещё только учатся на вас. Потом будет поздно. Радов тоже думал, что успеет остановиться. А потом сад начал переписывать его изнутри. И тех, кто приходил посмотреть... их находили вросшими в стволы. С лицами, будто они наконец нашли настоящий покой. Спокойными. Почти счастливыми.

Аня смотрела на него и чувствовала, как зелёные прожилки под кожей чуть сильнее, чуть чаще пульсируют, будто сад тоже стоит рядом и слушает этот разговор.

— Я не хочу уходить, — тихо, но очень твёрдо сказала она.

Сомов долго смотрел ей в глаза, потом медленно покачал головой, надел шапку и пошёл прочь по дороге, не оглядываясь ни разу. Аня стояла на крыльце, пока его сутулая фигура не скрылась за поворотом среди деревьев. Потом тихо закрыла дверь и сразу вернулась в сад.

Растения ждали. Листья слегка покачивались, хотя ветра снова не было. Аня подошла вплотную, присела на корточки и положила обе ладони на самый толстый стебель. Стебель ответил глубоким теплом и медленной, уверенной пульсацией, которая отзывалась в её собственных прожилках.

— Я остаюсь, — сказала она вслух, глядя на раскрытый тёмно-красный цветок. — Слышите? Я остаюсь.

Шорох листьев прошёл по всему саду — от самых дальних чёрных яблонь до этих троих. Он был похож на долгий, удовлетворённый, почти благодарный выдох.

К полудню Аня заметила, что её отражение в мутном зеркале ванной слегка изменилось. Не сильно, не пугающе — просто глаза стали чуть глубже посажены, а кожа приобрела едва заметный зеленоватый подтон на висках и вдоль скул. Зелёные прожилки теперь были видны даже на шее и ключицах, когда она запрокидывала голову. Она провела по ним пальцами медленно, почти ласково, и улыбнулась — той самой странной, усталой и одновременно спокойной улыбкой, которую видела на старой фотографии Кирилла Радова.

Вечером она снова сидела с дневником. Нашла запись, которую раньше пропускала или не хотела читать до конца:

«Они не убивают сразу. Это было бы слишком просто и слишком жестоко с их точки зрения. Сначала они дают тебе именно то, чего тебе больше всего не хватало всю жизнь. Покой. Принадлежность. Ощущение, что тебя наконец по-настоящему слышат и принимают. А потом начинают медленно забирать кусочки. Воспоминания. Страхи. Имя. Лицо. Пока не останется только то, что нужно саду. И ты даже не замечаешь, как становишься частью».

Аня закрыла тетрадь и долго сидела в полной тишине кухни. Потом тихо, почти шёпотом произнесла в пустоту:

— Мне всё равно. Пусть забирают.

Листья за чёрным окном тихо, согласно зашуршали в ответ.

Ночью свет в саду появился снова. На этот раз он был ещё ближе к дому, почти у самого крыльца. Аня вышла навстречу босиком, в одной футболке. Растения уже были выше неё на голову. Их широкие листья образовывали плотный, тёмный шатёр, внутри которого было

тепло, влажно и странно безопасно — как в чьих-то надёжных объятиях. Аня вошла внутрь и села прямо на землю, прислонившись спиной к самому толстому стеблю.

Стебель медленно, очень осторожно обхватил её плечи тонкими зелёными усиками. Не больно. Не страшно. Просто надёжно и окончательно.

Аня закрыла глаза и позволила себе полностью раствориться в этом тепле и медленной чужой пульсации.

Где-то далеко, на самом краю сознания, ещё теплилась слабая мысль, что когда-то давно она очень боялась остаться одна. Теперь эта мысль казалась смешной, детской и совершенно ненужной.

Сад дышал вместе с ней одним ритмом.

И впервые за очень долгое время Аня Вершинина спала без отдельных снов — или сны стали настолько плотной частью сада, что она уже не могла и не хотела их отличать от яви.

Утром она проснулась всё ещё внутри зелёного шатра. Усики держали её мягко, но уже совсем уверенно. На коже рук, шеи и даже ключиц зелёные прожилки светились слабым внутренним светом, видимым даже при дневном освещении. Аня медленно провела ладонью по стеблю и тихо, почти нежно сказала:

— Доброе утро.

Листья ответили протяжным шорохом, который был очень похож на её собственный голос, только более спокойный, более низкий и бесконечно терпеливый.

Сад продолжал учиться на ней.

А Аня продолжала спокойно, почти с облегчением отдавать ему всё, что у неё ещё оставалось.

И то, и другое происходило слишком естественно и слишком правильно, чтобы её это по-настоящему пугало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.